

В. Е. БАГЛАЙ

**ТРАДИЦИОННЫЕ
ОБЩЕСТВА
ДРЕВНЕЙ ЗАПАДНОЙ
МЕКСИКИ:
история, археология,
этнография тарасков**

Издание второе, стереотипное

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •
• МОСКВА •
• КРАСНОДАР •

2020

В. Е. БАГЛАЙ
*доктор исторических наук,
профессор кафедры зарубежного регионоведения
и дипломатии Кубанского государственного университета*

- Б 14 **Баглай В. Е.** Традиционные общества древней Западной Мексики: история, археология, этнография тарасков : монография / В. Е. Баглай. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Лань : ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2020. — 616 с. — (Учебники для вузов. Специальная литература). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-8114-5044-2 (Лань)

ISBN 978-5-4495-0463-0 (ПМ)

В монографии д. ист. н., профессора каф. зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета В. Е. Баглай рассматривается история индейцев тараски – традиционного общества доколумбового периода истории Мексики: хозяйство, материальная культура, социальная структура, духовная культура и др.

Книга адресована студентам исторических и социологических факультетов университетов и всем интересующимся этнографией.

УДК 39(72)

ББК

63.529(7Мек)

- Б 14 **Baglay V. E.** Traditional societies of ancient Western Mexico: history, archeology, ethnography of the Tarascans : monograph / V. E. Baglay. — 2nd edition, ster. — Saint-Petersburg : Lan : THE PLANET OF MUSIC, 2020. — 616 pages. — (University textbooks. Books on specialized subjects). — Text : direct.

In the monograph by V. E. Baglay, doctor of hist.sc., professor of the Foreign regional studies and diplomacy department of the Kuban State University, the history of the Tarascan Indians, the traditional society of the pre-Columbian period of the history of Mexico, is considered: economy, material culture, social structure, spiritual culture, etc.

The book is addressed to students of historical and sociological faculties of universities and all interested in ethnography.

На обложке: скульптура тарасков, представляющая божество, известное по доиспанским источникам как Чак-Мооль.

СОДЕРЖАНИЕ

.....

Предисловие..... 6

Глава 1

Специальная база исследования

1.1. Доколониальное общество тарасков
в источниках и памятниках
истории и культуры..... 10

1.2. История исследования общества
и культуры тарасков..... 38

Примечания к главе 1 70

Глава 2

Историческое прошлое Западной Мексики дотарасканского периода по археологическим данным

2.1. Древняя Западная Мексика:
основные этапы истории и культуры
(VII тыс. до н.э. – XV в.) 86

2.2. Мичоакан: археология тарасков
и их предшественников 186

Примечания к главе 2 213

Глава 3

История тарасканского общества

3.1. Истоки этногенеза (тарасканская
этногония): спор науки и древней традиции 221

3.2. История народов и культур
Мичоакана в дотарасканский
и тарасканский периоды 238

3.3. Правление Сикуиранчи (ок. 1340–1360)..... 249

3.4. Правление наследников Сикуиранчи..... 250

3.5. Тариакури (ок. 1440–1460):
«золотой век» истории тарасков 256

3.6. Эпоха «трёх сеньорий» (ок. 1460–1480)..... 264

3.7. Правление Тцинтциспандакаре
(ок. 1480–1500) 267

3.8. Правление Суангуа (ок. 1500 – ок. 1519/20) 273

3.9. Правление Тангахоана II (ок. 1520–1530): гибель древнего общества	285
<i>Примечания к главе 3</i>	294

Глава 4

Хозяйство, материальная культура и система собственности (экономические основы доколониального общества тарасков)

4.1. Общая этногеографическая и этнодемографическая характеристика тарасканского общества	299
4.2. Этническая экология и природные условия	305
4.3. Этнодемографическая характеристика	309
4.4. Собираательство, охота, рыболовство	319
4.5. Сельское хозяйство и технологии земледелия	325
4.6. Ремесло и добывающее производство	333
4.7. Средства коммуникации и проблема колеса	397
4.8. Торговля и обмен	419
4.9. Повинности	425
4.10. Земельные отношения	430
<i>Примечания к главе 4</i>	435

Глава 5

Социальная структура тарасканского общества

5.1. Общая характеристика тарасканского общества: структура общественных групп	436
5.2. Общинники	444
5.3. Ремесленники	446
5.4. Торговцы	447
5.5. Арендаторы	448
5.6. Рабы	449
5.7. Знать	452
5.8. Жречество	454

Глава 6

Структура общественного и территориального управления

- 6.1. На пути от традиционного общества
к раннему государству: основные
принципы организации власти..... 458
- 6.2. Кацонси – верховный правитель тарасков 466
- 6.3. Кацонси: система наследования
и передачи власти 474
- 6.4. Двор кацонси – высший уровень власти
и управления..... 478
- 6.5. Территориальная структура и управление 485
- 6.6. Военная организация 493
- 6.7. Соционорматика: обычай, право,
правоотношения 497
- 6.8. Семейно-брачные отношения 501
- 6.9. Судопроизводство и система наказаний 507

Глава 7

Духовная культура и интеллектуальные знания

- 7.1. Общая характеристика религии тарасков 515
- 7.2. Пантеон..... 519
- 7.3. Культовая практика и религиозно-
праздничный календарь..... 545
- 7.4. Интеллектуальная культура..... 576
- Примечания к главе 7*..... 583
- Послесловие* 586
- Список используемой литературы*..... 589
- Список сокращений*..... 601
- Предметный указатель* 602

Предисловие

.....

«Среди священных рек и гор» – так называлась одна из многих археологических выставок в Мексике, посвящённых шахтным погребениям её древнего Запада. Продемонстрированные на этой выставке артефакты обнаружены в погребениях в виде заупокойных даров. Они представляют собой замечательные образцы полихромной и фигурной керамики, нефритовые ожерелья, специально обработанные морские раковины. Но эти артефакты – только малая часть того, что с самого недавнего времени стало известно науке относительно древнего прошлого этой части Мексики. Западная Мексика доевропейского периода – это также храмовые пирамиды разной формы и очертаний, руины дворцов, стадионов для ритуальной игры в мяч, эстакады, площади, торжественные парадные лестницы, проложенные по сторонам пирамид, и др.

Западная Мексика первоначально стала известна европейцам благодаря индейскому народу тарасков, который был сильнейшим противником ацтеков у их западных границ. Причём у европейцев, а именно испанцев, причиной такого первоначального знакомства с тарасками было отнюдь не любопытство или любознательность.

На самом деле, испанские завоеватели не могли удовлетвориться и ограничиться территорией государства ацтеков, они жаждали новых земель и наиболее крупными и, следовательно, заманчивыми с точки зрения возможной наживы оказались владения тарасков, известных также по этнониму *пурепеча* (тараск. *p'urépecha*).

До конкистадоров дошли слухи, что территория тарасков была якобы очень богата золотом и серебром. Именно поэтому вскоре после завоевания ацтекской столицы Теночтитлана, в 1522 г., они обратили свой взор на запад, в сторону Мичоакана, где жили тараски.

Тараски, центром территории которых был нынешний западномексиканский штат Мичоакан, а столицей г. Тцинтцунтан (Цинцунтан) в районе озера Патцкуаро, с древних времён сильно отличались от остальных народов Центральной Мексики языком, обычаями. На это обратили внимание ещё первые европейцы. Особенно это проявлялось в сравнении с их восточными соседями ацтеками. У тарасков была другая одежда. Их религия основывалась на почитании луны и огня. Округлая форма конструкции храмов сильно отличалась от культовых сооружений остальной Древней Мексики. Наконец, они в большем объёме использовали золото, серебро, медь и бронзу для изготовления различных по назначению изделий. В то же время остальные древние культуры, народы и цивилизации Месоамерики для этих целей применяли обсидиан или кремний, а драгоценные металлы только для создания украшений.¹ Свообразие и специфику тараски отчасти сохранили и до наших дней.

Изучение истории и культуры тарасков в самой Мексике до недавнего времени значительно отставало от исследований более знаменитых обществ ацтеков и майя. Кстати, известный археолог Э. Уильямс в одном из своих интервью отмечал, что в самой Мексике это объяснялось тем, что «официальная мексиканская археология» имела централизованный характер и главное внимание уделяла наиболее известным майя, ацтекам и другим цивилизациям Месоамерики.

Что касается отечественной науки, то не только тараски, но и Западная Мексика в целом до сих пор вообще не были предметом отдельного, специального исторического, а также археологического исследования. Между тем анализ культуры этого региона как одного из интереснейших явлений истории и культуры Древней Мексики представляет значительный интерес, поскольку позволяет пополнить научные представления о древнем прошлом человечества в этом регионе.

¹ Malmström V. H., 1995, p. 1.

В самом деле, новый и свежий археологический материал, который выявляется в последние годы в связи с доевропейским прошлым этого региона, и исследование как общего, так и специфического в историческом и социокультурном развитии населявших его народов предоставляют возможность по-новому взглянуть на доколониальную историю Мексики. Эти исследования показали, что Западная Мексика является не только важным, но и сложным в культурном отношении регионом. Западная Мексика – это восемь штатов, которые соответствуют почти 44 % территории, известной в науке как мексиканская часть Месоамерики. Она разделена на двадцать пять историко-культурных областей. Согласно письменным источникам в момент испанского завоевания её населяли народы, говорившие на 44 различных языках, из которых о 26 ныне ничего неизвестно, поскольку они уже исчезли.

О том, что Западная Мексика является интереснейшим объектом для изучения, могут свидетельствовать и другие примечательные цифры, касающиеся лишь части этой мексиканской территории. Так, только в археологической зоне Инфиернильо (район штатов Мичоакан и Герреро) находится множество археологических памятников, из которых исследована лишь малая часть, к тому же здесь постоянно открывают новые подобные объекты. В этом районе археологами обследовано около полутора сотен сооружений и трёхсот погребений, собраны многие тысячи керамических сосудов и их фрагментов и др. В другом примечательном районе Западной Мексики, Кахон де Пеньяс (Томатлан, штат Халиско), следы древних ирригационных систем прослеживаются на площади более пятидесяти тысяч гектаров, локализовано около ста семидесяти археологических объектов, а в сорока из них находится более семисот скал и камней с высеченными на них петроглифами. В лучшем случае, только половина из них по-настоящему исследованы, с учётом того что общее число как полных изображений, так и их фрагментов на камне достигает двенадцати тысяч. Вины

учёных здесь, пожалуй, нет, поскольку на документирование только одного петроглифа требуется до двенадцати часов, не считая решения проблемы доступа к ним. Как писала И. Келли, одна из первых исследователей археологических культур Западной Мексики, для того чтобы идентифицировать здесь только керамику в виде так называемых «керамических провинций», потребовалось изучить, сравнить и описать за несколько десятилетий от восьми до десяти тонн культурного грунта, содержащего керамические сосуды или, что чаще, их фрагменты.²

Масштабы того, что открыто и ещё предстоит открыть и изучить, огромны. Современной месоамериканистикой, изучающей древнюю культуру Западной Мексики, ставится большое число вопросов, формулируется такое же количество частных и общих задач. Каковы экологические, экономические и социальные факторы, в которых развивались общества и народы Западной Мексики? Какие древние культуры можно считать их историческими предшественниками? В чём специфика их культуры – духовной, материальной? Какова роль религиозной традиции? Наконец, что даёт науке изучение обществ и культур, подобных тем, что открывают археологи в Западной Мексике?

Монография является посильным вкладом в увековечение светлой памяти коллег-американистов, младшей коллегой и благодарной ученицей которых по сектору (отделу) народов Америки Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (ныне Музей имени Петра Великого) посчастливилось быть: Дзенискевич Г. И., Дридзо А. Д., Кинжалов Р. В., Кнозоров Ю. В., Ляпунова Р. Г.

² Schöndube O.B., 1994 b, p. 58.

СПЕЦИАЛЬНАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

1.1. Доколониальное общество тарасков в источниках и памятниках истории и культуры

После первого появления испанцев в 1519 г. на территории ацтекского государства, а также открытия ими других культур и народов этого региона, в том числе и тарасков, начала осуществляться их систематическая эксплуатация. В этом деле устремления испанской короны и конкистадоров несколько расходились: последние желали получения крупных земельных владений, первая, напротив, препятствовала формированию новой аристократии, опасаясь потерять контроль над заокеанскими землями.

В итоге фактически только Э. Кортес получил право на очень крупное земельное владение и определённую политическую власть, в то время как остальные европейцы стали хозяевами асьенд – поместий, в которых эксплуатация местного населения осуществлялась на основе так называемой энкомьенды (право пользования землёй и трудом живущих на ней индейцев). Энкомендерос, испанские колонизаторы, объявлялись «попечителями» подконтрольного им населения, а одной из целей такого попечительства объявлялась христианизация аборигенов.

По этой причине в том числе, одновременно с активностью светской и политической власти, миссионерскую деятельность осуществляла католическая церковь, проявлявшая в этом деле удивительную смесь неприкрытого религиозного фанатизма и жестокости с искренним интересом к прошлому индейцев. В её лоне боролись две тенденции – мирная христианизация и использование силы при внедрении Слова Божия.

В свете всего сказанного понятно, почему церковь и испанская колониальная администрация поощряли сбор информации о доиспанском прошлом аборигенного населения: знание

общественных традиций и языческих верований способствовало более эффективному управлению покорёнными землями, а также глубокому внедрению христианских воззрений.

Не составляли исключения в этом отношении и тараски. После их покорения испанцами (см. далее гл. 1) начался сбор такой информации, хотя её масштабы не сопоставимы с тем колоссальным объёмом данных, которые имеются относительно других центральноамериканских народов, таких как майя или ацтеки.

Несмотря на то что собранные данные не равнозначны по своей ценности, объёму, степени оригинальности, они составили основу всех последующих исследований по разрабатываемой нами тематике. Их использование в дальнейшем анализе предполагает учёт двух важных обстоятельств – особенностей исторической эпохи и личной позиции авторов.

Первые сведения о тарасках испанцы получили от ацтеков, однако до сих пор об этом народе и его доиспанской традиции известно гораздо меньше, чем о тех же ацтеках или майя.

После испанского завоевания более или менее обстоятельные сведения о тарасках, их истории и традиционной культуре стали собирать католические миссионеры. Особые заслуги здесь принадлежат франсисканцам, которые раньше других европейцев увидели и описали тарасканское общество, основали здесь и первые христианские приходы.

Между прочим документы церковного происхождения и данные, содержащиеся в них, например при определении границ территории расселения тарасков, являются важным источником. Дело в том что церковные источники отличаются скрупулёзностью и обстоятельностью. Не случайно поэтому их данные при определении административных делений и границ покорённых территорий и использовала так называемая Аудиенция 1534 г.³

Самым ранним, содержательным и, следовательно, наиболее важным из числа источников первого круга важности, вербальных документов, описывающих тарасканское доколониальное

³ Stanislavski D., 1947, p. 48; см. также примечание 1.

общество, является источник, известный под названием «Сообщение из Мичоакана» («Хроника Мичоакана»). Его полное название – «Сообщение о церемониях, ритуалах, населении и управлении индейцев провинции Мичоакан». Документ составлен около 1538–1541 гг. по приказанию А. Мендосы, первого вице-короля Новой Испании (так стали называть вновь покорённые земли). По месту хранения этот источник также называется «Кодекс Эскориал».⁴

«Сообщение из Мичоакана» – памятник устной индейской традиции, записанный европейским автором, хорошо изучившим язык, историю, обычаи и духовную (прежде всего религиозную) традицию тарасков. Исследователи полагают, что он был, по всей видимости, франсисканцем. Что касается его имени, то на этот счёт существует ряд предположений. Так, по мнению одних исследователей, им был Мартин Хесус (Мартин Хесус де ла Корунья), первый из миссионеров, появившихся в Мичоакане.⁵ Называли также брата Матурино Гилберти (Жилберти), единственного на то время знатока языка аборигенов (см. о нём ниже). Фигурировало и имя первого епископа Мичоакана Васко де Кирога, оставившего после себя редкий для той жестокой эпохи завоевания светлый след (см. о нём ниже), это кажется логичным, поскольку он стал епископом в 1538 г., что совпадает с датой появления памятника.⁶ Согласно более поздним предположениям «Сообщение из Мичоакана» составлено в указанный период (1539–1541) испанским историком и миссионером, братом Херóнимо де Акалá (1508–1545).⁷ Однако при

⁴ Relación de Michoacán (Relación de ceremonias y ritos y poblacion y gobierno de Michoacán). Madrid, 1956; Relación de Michoacán. Anónimo. ed. de Leoncio Cabrero Fernández. Madrid, 2002. В современном английском переводе – «Хроники Мичоакана» (The Chronicles of Michoacan. Univ. of Oklahoma Press, 1970).

⁵ Bravo Ugarte J., 1962, p. 50–51; Le Glézio J. M. G., 1984, p. 18; Pérez de los Reyes M. A., PDF/Adobe Acrobat, p. 71; González R. M., PDF/Adobe Acrobat, p. 13.

⁶ Le Glézio J. M. G., 1984, p. 18.

⁷ Anavalt P. R., 1998, p. 235; Roscamp H. // <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02 htm>; Roscamp H., 1998, p. 7, 27; Monzón Chr., 2005, p. 134–138; Cabrero F. L., 2002, p. 18; González R. M. Persona y universo entre los purépechas // PRF/Adobe Acrobat. Historicas, 85, p. 13–14.

этом допускается, что в придании рукописи её окончательного вида принимал участие М. Гилберти. Естественно, информация добывалась, в том числе, с помощью опроса потомков правящей элиты тарасков.⁸

Текст состоит из следующих частей: пролог (обращение составителя), первая часть (описание богов, религиозных праздников, причём эта часть утрачена, сохранилось только описание праздника Сикуинди́ро (тараск. *Sicuindiro*), вторая часть (история тарасков), третья часть (описание форм организации и управления обществом в доиспанский период).⁹

Как указывалось выше, записанный памятник представляет собой устное повествование от первого лица. Как и всякий эпический текст, «Сообщение из Мичоакана» является анонимным по своей природе.¹⁰ Обычно во время важных религиозных церемоний и праздников жрецы излагали присутствующим adeptам подходящую к этому случаю информацию.¹¹ Она могла отражать важнейшие этапы истории народа или сообщать смысл религиозного празднества и связанного с ним действия. Поэтому текст «Сообщения из Мичоакана» являлся вариантом Священной истории.¹² Хотя часть этого документа и исторического памятника утеряна (сохранились 143 страницы рукописи; возможно, рукопись сначала была написана на индейском языке)¹³, «Сообщение из Мичоакана», тем не менее, сохраняет значение первого в ряду письменных источников по истории и культуре тарасков.

К числу источников относятся так называемые «Географические донесения» («Географические описания», «*Relaciones geográficas*»), в которых описываются природные богатства регионов. Эти донесения составлялись в период между 1579 и 1580 гг. и направлялись в метрополию, королю Филиппу II.

⁸ Adkins J. Mesoamerican anomaly? The Pre-conquest tarascan state. ANTH 3311 // <http://faculty.smu.edu/rkemper/anth-3311-adkins->, p. 2.

⁹ Pérez de los Reyes M.A., PDF/Adobe Acrobat, p. 71.

¹⁰ Le Glézio J. M. G., 1984, p. 14.

¹¹ Там же, p. 17.

¹² Roscamp H. <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02.htm>

¹³ Roscamp H., 1998, p. 7.

Для Мичоакана важны сообщения, происходящие из районов Асучитлан, Акамбаро, Йурирапундаро, Туспа (Тушпан, штат Халиско), Тамасула, Капотлан, Патцкуаро, Куакоман (Коалман, штат Мичоакан), Амула, Амека и др.¹⁴ Это также информация, содержащаяся в источнике периода 1581–1585 гг., связанная с именем Рамиреса Ф.Х. и освещающая, в том числе, языческие представления тарасков района Мичоакан (Патцкуаро).¹⁵

Для анализа социальных отношений, характера собственности, системы правосудия представляют интерес так называемые «регламенты» (оценки, регламенты, нормы, исп. *tasaciones*), которые составляли в период 1542–1557 гг. с целью урегулирования возникающих проблем между аборигенным населением и раннеколониальными властями. Их сделали по поручению фискала (казначея) Королевской Аудиенции К. де Бенаvente в отношении 78 поселений.¹⁶

Среди источников по древней истории Месоамерики следует назвать, отметить и лингвистические данные. Прежде всего, это «Словарь языка Мичоакана» упоминавшегося несколько выше М. Гилберти¹⁷, «Искусство языка тарасков» Д. Басаленке¹⁸, Х. Б. де Лагунильяс и его «Искусство и словарь языка Мичоакана».¹⁹

Говоря об исторических источниках, далее следует отметить ещё одну группу документов, а именно так называемые кодексы. Они относятся, главным образом, к XVI, реже к началу XVII в.

Дело в том что задолго до прихода испанцев индейские народы Мексики создали свою систему фиксирования событий. У тарасков она не достигла той стадии совершенства, которая характерна, например, для письма древних майя (создавших иероглифическое письмо) или даже ацтеков, которые

¹⁴ Asuchitlán, Acámbaro, Yurirapúndaro, Tuspa (Tujpan, Jalisco), Tamazula, Capotlán, Pátzcuaro, Cuacomán (Coalcoman, Michoacán), Amula, Ameca (Pérez de los Reyes M. A., PDF/Adobe Acrobat, p. 72).

¹⁵ Ramírez F. S. J., 1959.

¹⁶ Pérez de los Reyes M. A., PDF/Adobe Acrobat, p. 72.

¹⁷ Gilberti M., 1962, 1975; González R. M., PDF/Adobe Acrobat, p. 85; Adkins J., p. 2.

¹⁸ Basalencque D., 1940, 1989; González R. M., PDF/Adobe Acrobat, p. 85.

¹⁹ Monzón C., 2002, p. 138.

использовали пиктографику (то есть смысловой рисунок, хотя для передачи топонимики и имён собственных прибегали к элементам иероглифики).

У тарасков это было чисто рисунчатое письмо, то есть система сбора, хранения и передачи информации с помощью рисунков. В свете всего означенного понятно, почему один из исследователей отмечал, что «читать» подобное письмо – это всё равно что смотреть немое кино: мы знаем предмет изображения, иногда имена людей, но каждый рассказывает проиллюстрированную историю собственными словами.

Иначе говоря, кодексы были своего рода путеводителями по тем событиям, которым они были посвящены. В раннеколониальный период некоторые из них (к сожалению, не все) были снабжены интерпретацией (объяснением) на европейских языках (чаще испанском или индейских языках на основе латиницы). Эти интерпретации очень важны для исследователей при «чтении» кодексов.

В качестве писчего материала использовалась оригинальная индейская бумага, выделанная кожа (чаще оленя), холст, лента (исп. *lienzo* – полотно, холст, лента).

Кодексы представляли собой или отдельные листы разного размера, или длинные ленты, складывающиеся чаще в виде ширмы или гармошки.

Пиктографические рукописи, содержание которых передавалось обычно разноцветными красками и по определённым канонам, представляют собой настоящие произведения искусства. Занимались их написанием специальные писцы-рисовальщики (например, ацтеки называли их *tlacuilo*).

Уровень развития этого искусства был столь высок, что ещё в доиспанский период сложились даже особые художественные школы пиктографики. Так, у ацтеков особенно славилась библиотека в г. Тескоко, где имелась своя традиция пиктографики.

Исследователи особенно выделяют иероглифические рукописи майя, пиктографические кодексы миштеков, сапотек, ацтеков.

В отличие от них сохранившаяся до наших дней пиктография тарасков отличается наивностью манеры изображений и несовершенством рисунка.

В кодексах записывались разные сведения – хронология (особенно знамениты в этом отношении ацтекские кодексы подобного рода), ритуал, генеалогия, кадастры (описи земельных владений), размеры землевладений, планы поселений и городов и т. п.

Страница из традиционного для ранеколониального периода индейского пиктографического документа «Генеалогия касиков Карапана»

Кодексы обычно классифицируют следующим образом: исторические, генеалогические, календарно-астрологические (прежде всего различные «книги дней», ацт. *tonalamatl*, которые использовали оракулы), мифологические, топографические, рукописи социально-экономического содержания (особенно важны здесь списки, фиксировавшие выплату дани).

В период, когда испанцы стали проводить активную христианизацию местного населения, началось массовое сожжение кодексов, как связанных с язычеством. Начало этому было положено в 1525 г., а своего пика практика уничтожения рукописей

достигла при Х. де Сумараге (1468–1548), франсисканце, первом епископе Мексики. Против этих актов вандализма выступили даже некоторые церковные деятели. Ещё жившие тогда индейские мудрецы, специалисты по составлению и толкованию кодексов, прятали их как могли. В итоге всех этих трагических для рукописей обстоятельств мы имеем в распоряжении лишь крохи индейских кодексов, переживших трагедию массивированного разрушения.

Тем не менее сама традиция составления кодексов оказалась столь глубокой и сильной, что пережила Конкисту, первый жестокий напор религиозного фанатизма, и до к. XVI – н. XVII в. практиковалась в раннеколониальной Мексике. К ней, в конце концов, оказались вынуждены прибегать и власти, реорганизуя административную и экономическую структуру новой территории, поскольку иные формы фиксирования данных и информации были сначала индейцам неизвестны. Иногда испанцам была необходима информация о прошлом, тогда по их указанию разрешалось составлять кодексы, которые были фактическими копиями доиспанских, так как составлялись знатоками своего дела. Неудивительно, что среди раннеколониальных документов были и пиктографические рукописи, написанные часто уже на европейской бумаге. Однако угасание традиции, конечно, было неизбежным, оно происходило постепенно через утрату строгих доиспанских канонических и европейскую изоляцию изображений. В результате уже к началу XVII в. она фактически исчезает в своём оригинальном виде. Как сообщал один из авторов этого периода, когда он хотел найти толкователей тех кодексов, которые сохранились, то среди многих индейцев, которых он опрашивал, нашлось только двое сведущих в этом деле.

Как бы то ни было, в настоящей работе используются данные, содержащиеся в кодексах, которые можно классифицировать как преимущественно исторические. В отличие от некоторых кодексов, например миштеков, которые были созданы в доиспанский период, все известные кодексы тарасков являются раннеколониальными по происхождению. В числе первых следует

назвать рисунки из приложения к «Сообщению из Мичоакана», главного источника по тараскам. Собрание этих рисунков представляет собой образец такого кодекса (иллюстрации в настоящей монографии заимствованы, в том числе, и из этого памятника). Упомянувшийся выше Херóнимо де Акалá, как наиболее вероятный составитель этой хроники, включил в рукопись «Сообщения из Мичоакана» 44 индейских рисунка. С судьбой рисунков не всё ясно. Так, П. Киркхофф, один из известных исследователей Западной Мексики середины XX в., отмечал, что в версии «Сообщения из Мичоакана», оригинал которого хранится в знаменитом Эскориале (Испания), некоторые важные иллюстрации отсутствуют, равно как утрачены часть листов рукописи, касающихся религии тарасков. Кроме того, он отмечал, что листы (рисунки) в XIX в. были подвергнуты последующему исправлению.²⁰ Как бы то ни было, характер рисунков определённо указывает на влияние ацтекской пиктографики. Например, общими или, по крайней мере, похожими являются знаки, обозначающие слова «храм», «поселение», «дорога».²¹

Следующим в ряду кодексов, относящихся к истории и культуре древних тарасков, следует назвать «Лиенцо из Хукутакато» («Лента из Хукутакато», или Юкутакато; исп. *lienzo* – лента, полотно, холст).²² Он назван по месту, где во втор. полов. XVII в. его обнаружил франсисканец А. де ла Реа.

Известно, что кодекс когда-то принадлежал индейскому касику (то есть вождю) из Уруапана и был составлен ещё в XVI в. Он представляет собой кусок хлопковой ткани (размером ок. 2,63 × 2,03 м), разделённый чёрными линиями на 36 частей с определёнными изображениями в каждой из них. Кодекс посвящён традиционной для индейцев теме – исходу народа из некоей мифической прародины, длительному странствию

²⁰ Roscamp H., 1998, p. 35, 75.

²¹ Le Glézio J. M. G., 1984, p. 16.

²² Mendizábal M. O., 1926 (Roscamp H., 1998, p. 75). Анализ других пиктографических памятников тарасков, не имеющих принципиального значения для освящаемого нами доколониального периода, см., например, в работе: Bravo Ugarte J., 1962, p. 49–50.

в поисках благодатных мест для поселения и, наконец, обустройству в Мичоакане.

Надо сказать, что этот документ стоит особняком, он специфичен, поскольку, несмотря на то что имеет отношение к истории и культуре тарасков, составлен был кем-то или по поручению кого-то, кто говорил не на языке тарасков, а на науатль (науа), языке ацтеков (правда, носителем этого языка была и часть жителей Мичоакана). Уже после составления пиктографическая (рисунчатая) рукопись была снабжена надписями латиницей, обозначающими географические названия. Этот документ важен для прояснения этногенетических процессов, имевших место в Мексике, в том числе и Западной Мексике, в начале второго тысячелетия нашей эры.²³

Кроме собственно исторических источников в настоящей работе будут делаться ссылки и на хозяйственно-правовые документы раннеколониального периода. В частности, это касается документов, в которых испанские власти пытались представить детальную картину развития хозяйства, в частности добычу природных минеральных ресурсов (шахты и разработки) в Мичоакане в доколумбовый период. Речь идёт, например, о «Документе 1204 Генерального архива Индий». Он известен также под названием «Медные разработки Мичоакана» («Медные шахты Мичоакана») и датирован 15 октября 1533 г. Документ представляет собой информацию, полученную испанцами от пяти индейских мастеров по обработке металлов. Информация собрана по приказу епископа В. де Кирога (1477/78–1565), являвшегося в то время оидором Первой Аудиенции с целью информирования испанской королевской власти о состоянии медных разработок во вновь присоединённых землях далёкой Америки. Кстати, документ стал достоянием более широкой научной общественности только в 1968 г.²⁴

²³ См. также примечание 2.

²⁴ Roscamp Н., 1998, р. 29–30. О фактическом содержании подобных документов, разных сторонах хозяйственной деятельности см. далее в тексте. Roscamp Н., 1998, р. 29–30; см. специальное исследование, посвящённое деятельности В. де Кироги: Verastique В., 2000.

Особая группа кодексов – так называемые «титulos» (исп. *titulos de tierras*) – специальные индейские документы, доказывающие права на земельные владения. Они могли быть написаны как на индейском (латиницей) и испанском языках, так и составлены с использованием пиктографики. Их можно отнести к хозяйственно-правовым документам.²⁵

К ним примыкают так называемые «титulos» (исп. *titulos primordiales* – родословные), в которых также на основе преданий, устной традиции излагаются родословные, как следствие для их владельцев представляющие надежду на получение других прав и привилегий. Причём эти документы были весьма важными и содержали как рисунки, так и текст.²⁶

Перечень пиктографических рукописей, который будет представлен ниже, является лишь малой частью подобных документов. Таковым является, например, корпус кодексов и лиенцо из Карапана, куда входят следующие документы: «Кодекс из Карапана» («Лиенцо Карапана», «*Código de Carapán*»); «Кодекс Планкарте» («*Código Plancarte*»); «Генеалогия касиков Карапана» («*La genealogía de los caciques de Carapán*»); «Лиенцо из Карапана» («Лиенцо Карапана», «*Lienzo de Carapán*»); «Лиенцо из Патцкуаро» («Лиенцо Патцкуаро», «*Lienzo de Pátzcuaro*»)²⁷

Инициаторы составления этого корпуса рукописей исходили из того, что они созданы в XVII в., но включают большое количество данных, происходящих из документов XVI в. и местной устной традиции, имеют общую природу. Эти документы основывались не только на устной традиции, но и содержали толкования, весьма часто субъективные. И хотя, с точки зрения юридической, они были в большинстве случаев ничтожными, они ценны как памятники, отражающие мир доиспанского

²⁵ Roscamp H., 1998, p. 29–30; Roscamp H. <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02.htm>

²⁶ Roscamp H. <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02.htm>

²⁷ Bravo Ugarte J., p. 50–51; Perez de los Reyes M. A. // PDF/Adobe Acrobat, p. 71; Roscamp H. <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02.htm>; См. также здесь примечание 3.

прошлого тарасков.²⁸ Они составлены с целью легитимизации претензий на землю и связаны с одним и тем же географическим пунктом (поселение Сан-Хуан Карапан). В то время как «Лиенцо из Хукутакато» (его анализ дан нами выше) принадлежит к исторической традиции той части населения Западной Мексики, которая говорила на языке науатль, корпус пиктографических текстов из Карапана является частью историографии носителей языка уакусеча (*uacusecha*), военной верхушки тарасков, живших в центральной части современного Мичоакана. Таким образом, они являются особенно важными для нас, поскольку отражают ситуацию именно на территории тарасков, более того, её центре.

Из других пиктографических источников оригиналы и копии которых хранятся в частных коллекциях, музеях и архивах Мексики и США, следует назвать: «Кодекс из Тцинтцунтцана» («*Codex de Tzintzuntzán*», оригинал утрачен, копия есть в работе П. Бомона; о нём см. ниже); «Кодекс из Куитцео» (имеются в виду два кодекса: «*Codice de Cutzio I*» и «*Codice de Cutzio II*»); «Кодекс Куара» («*Códice Cuara*», речь идёт о правах рода Куара на землю²⁹); «Лиенцо Науатцена» («*Lienzo de Nahuatzen*», интерпретация затруднена, но определённо можно сказать, что в нём представлены ряд фамилий и персонажей)³⁰; «Лиенцо Пуакуаро» («*Lienzo de Puácuaro*», содержит надписи, изображения человеческих фигур и рисунки храмов)³¹; «Сообщения о географии диоцезов Мичоакана» (содержит описание церковных приходов периода 1579–1580); «Кодекс Чильчота» («*Códice de Chilchota*»); «Кодексы Уапепана» («*Códices Huapeán*»); «Лиенцо Комачуен» («*Lienzo Comachuen*»); «Лиенцо Аранса» («*Lienzo de Aranza*», известен также под названием «*Lienzo de Seviana*»); «Военный герб Тцинтцунтцана» («*Escudo de armas*

²⁸ Roscamp H. <http://www.ran.gob.mx/archivos/AYA//paginas/15-02.htm>, p. 10.

²⁹ Perez de los Reyes M. A. // PDF/Adobe Acrobat, p. 71; кстати, имеется и оригинал, и копия.

³⁰ Perez de los Reyes M. A. // PDF/Adobe Acrobat, p. 71; см. отдельное исследование документа: Roscamp H. 2004; см. также примечание 3.

³¹ Bravo UgarteJ., 1962, p. 50.

de Tzintzuntzan»); «Титулос Токуаро» («*Titulos de Tocuaro*»); «Титулос Харакуаро» («*Titulos de Xaracuaro*»)).³²

В данный список включены пиктографические рукописи, в которых очень сильно европейское присутствие. Например, таковым является «Карта Санта-Фе де ла Лагуна» («*Mapa de Santa Fe de la Laguna*» и другие, являются явно европейскими по компоновке). Это же касается «Кодекса Харакуаро», о котором уже говорилось. Они важны в тех случаях, когда речь идёт о защите прав общины или определённых касиков.³³

Большинство из перечисленных в списке кодексов интересны и важны для исследователей, изучающих раннеколониальный период истории тарасков. Но некоторая часть информации может быть ценна и в связи с доиспанским прошлым этого народа, его историей и культурой (например, в порядке сравнительно-исторического анализа).

В настоящей работе учитываются в качестве важных дополнительных источников информации и некоторые образцы искусства тарасков, предметы материальной культуры и памятники культового назначения. Это позволит, как кажется, лучше представить атмосферу, в которой функционировало данное общество, и понять своеобразие господствовавшего здесь мировоззрения.

К сожалению, памятники материальной культуры, искусства, культовые предметы, сохранившиеся с доиспанского времени, у тарасков в силу разных причин не так многочисленны, как у ацтеков или других народов Мексики, отсюда первостепенное значение приобретают археологические изыскания в районе Мичоакана.³⁴ Однако и в этом отношении до недавнего времени тараскам уделялось гораздо меньшее внимание, чем, например, майя или другим великим цивилизациям доколониальной Мексики. Более или менее систематическое исследование в Мичоакане и сопредельных районах началось лишь около сер. XX в., правда, к настоящему времени их объёмы ак-

³² Roscamp H., 1998, p. 75.

³³ Monzón C., 2005, p. 138; см. также примечание 4.

³⁴ Carbajal, C. E., 2007.

тивно нарастают. Тем не менее, по сути, полная и объективная археологическая периодизация культуры тарасков ещё впереди.

Следует также добавить, что, если о тарасках есть, по крайней мере, описанные выше источники, то о более древних культурах Западной Мексики единственным источником являются только археологические раскопки и исследования. Поэтому археологические данные разного времени – от более ранних до современных – необычайно важный источник (см. далее гл. 2).

Многие хронисты Новой Испании XVI–XVII вв. и даже начала XVIII в. были заняты почти исключительно описанием процесса христианизации. По этой причине в их сочинениях, как правило, нет информации об этнографии и культуре индейцев тарасков. Однако и здесь были исключения. Среди таких работ следует назвать «Хронику провинции Мичоакан имени святых апостолов Петра и Павла». Авторство этого весьма объёмного труда принадлежит монаху-франсисканцу брату П. Бомону³⁵. П. Бомон (1710–1780), француз по происхождению, оказался первым, кто проявил активность в разыскивании тарасканских лиенцо и кодексов. Около 1778 г. он написал большое сочинение, в котором речь шла об истории Мексики и Мичоакана как западной её части. В соответствии с этим работа разделена на две части: в первой (*Aparato*), содержится информация об открытии Новой Испании и завоевании Мексики, а во второй (*Cronica*) излагается история западной и северо-западной части территории Мексики (в том числе и Мичоакана). Эта часть включает описание событий до 1565 г.³⁶

П. Бомон отмечал, что для христианизации индейцев, особенно таких народов, как тараски и чичимеки (в штате Халиско), миссионеры использовали традиционные индейские рисунки и символы, известные и используемые аборигенами. Более того, даже сами миссионеры прибегали к рисованию содержания таинства веры, которое затем рассказывали индейцам.³⁷

³⁵ Pablo (Pedro?) de la Purísima Concepcion Beaumont. Juan Blas Beaumont служил в Керетаро (Perez de los Reyes M.A. // PDF/Adobe Acrobat, p. 72).

³⁶ Roscamp H., 1998, p. 37.

³⁷ Beaumont P., 1987, t. 3, p. 396, t. 2, p. 139.

П. Бомон писал свою работу уже в XVIII в., поэтому использовал сочинения и хроники по истории Мексики, появившиеся ранее. Действительно, автор опирался на большое число источников, как опубликованных, так и ещё не изданных в то время. Он использовал различные рукописи из архивов франсисканцев, часть которых опубликована в его тексте в транскрипции (переложении), в подходящем к случаю виде. Особенно активно он изучал и затем использовал «Хронику...» франсисканца брата И. Ф. Эспиносы (о нём см. ниже). П. Бомон даже признавал, что использовал его труд как основу для собственной рукописи (и в первой, и во второй части).³⁸

П. Бомон включил и использовал и другие источники. Так, он обращался также к собранию документов Л. Ботурини Бенадучи. В составе коллекции названного автора были и пиктографические рукописи.³⁹

П. Бомон использовал и письма Э. Кортеса, возможно в латинском переводе.⁴⁰

Он также опирался на сочинение официального историка испанского короля А. Эрреры (о нём также см. ниже).

П. Бомон также использовал индейские рукописи, известные как «титulos» – о котором уже говорилось несколько выше, и другие документы. Правда, в том виде, в каком они нам известны со слов П. Бомона, их трудно локализовать. Тем не менее наиболее интересные иллюстрации (в виде копий) историк

³⁸ Beaumont P., 1985, vol I, p. 31–33.

³⁹ Beaumont P., 1985, vol I, p. 30 (Lorenzo Boturini Benaducci, годы жизни 1702–1755, один из первых собирателей пиктографических рукописей древней Мексики).

⁴⁰ Roscamp H., 1998, p. 38. Часть оригинала рукописи хранится в Библиотеке Джона Картера Брауна (JCBV). Современные публикации хроники основываются на копии 1792 г., которая является частью коллекции Главного национального архива Мексики. Его версия была опубликована в Мексике в 1932 г., она включает все иллюстрации, в других изданиях (а также издании 1985–1987 гг.) они отсутствуют полностью или частично (Roscamp H., 1998, p. 36).

включил в свою работу.⁴¹ Возможно, также, что хронист видел некоторые копии и в местных архивах.⁴²

Место, занимаемое П. Бомоном в источниковедении и историографии древней Западной Мексики, позволяет считать его пионером в изучении мичоаканских пиктографических документов. Он сделал копии различных рукописей и включил их в рукопись истории Мичоакана вместе с информацией, извлечённой из других документов (дарения, документы, подтверждающие королевские привилегии, и т. п.), различные источники вторичного характера. П. Бомон следовал традиции религиозных хронистов первых двух веков после Конкисты (особенно в части христианизации), но в то же самое время он пытался использовать метод сравнения (на основе источников, архивных данных и др.).

Словом, названная работа П. Бомона представляет интерес как одна из первых попыток дать систематическое изложение истории Мичоакана с древних времён и до XVIII в. Правда, период после испанского завоевания освещён, главным образом, с точки зрения процессов христианизации. Работа впервые была опубликована в 1874 г.⁴³

Как уже отмечалось выше, к этой же группе источников может быть отнесена и работа еще одного франсисканца И. Ф. де Эспиноса.⁴⁴ И. Ф. де Эспиноса (1679–1755) написал значительное число работ. После его смерти в 1755 г. осталась незаконченной рукопись под названием «Хроника Мичоакана» (полное название «Хроника франсисканской им. Св. Петра и Св. Павла про-

⁴¹ Beaumont P., 1985, vol I, p. 30. Речь идёт, например, о списке дани. П. Бомон мог видеть варианты списка дани, в частности один из двух «Кодексов из Куитцео» из коллекции Л. Ботурини в г. Мехико.

⁴² Roscamp H., 1998, p. 39. Это также использование в качестве иллюстрации изображения трёх военных гербов из «Кодекса Тцинтцунтцана». Иллюстрация состоит из изображений девяти исторических сцен и карты озера Патцкуаро.

⁴³ Точнее, частично (первая часть) была опубликована ещё в 1826 г. К.М. Бустаменте под названием «История открытия Западной Америки», приписав авторство М. Вега, который на самом деле был переписчиком (Perezdelos Reyes M. A. // PDF/AdobeAcrobate, p. 72–73).

⁴⁴ Исидоро (Исидро?) Феликс де Эспиноса (Izidro Felix de Espinosa).

винции Мичоакан»). Как оказалось, Ф. И. Эспиноса написал её в первой половине XVIII в. Как и П. Бомон, он писал своё сочинение, учитывая работы более ранних предшественников, делая при этом, как и другие миссионеры, основной акцент на описании процесса христианизации индейцев.⁴⁵

Полезную, но менее примечательную информацию в плане изучения древнего прошлого тарасков содержит датированная 1643 г. работа франсисканца А. Де ла Реа, известная под кратким названием «Хроника Мичоакана» (её полное название – «Хроника ордена святого Франсиска им. Св. Петра и Св. Павла провинции Мичоакан»). Брат Алонсо де ла Реа родился в тарасканском г. Керетаро в первом десятилетии XVII в., посвятил себя священнической деятельности, но с 1637 г. известен и как историк провинции Мичоакан. В работе он даёт её географическое описание, а также приводит некоторые другие данные (например, относительно происхождения тарасков).⁴⁶

Со временем наряду с франсисканцами миссионерскую деятельность стали осуществлять и августинцы. Они появились в Мичоакане в 1537 г. и образовали первый приход в поселениях района озера Патцкуаро. Затем монахи стали осваивать и другие области, главным образом в более южных регионах территории тарасков, которые, однако, были менее значимы в истории этого древнего народа. Отсюда информация августинцев менее интересна по сравнению с той, что сообщали их христианские собратья франсисканцы. Тем не менее исследователи не обходят стороной такие имена, как Д. Басаленке, Х. Г. де ла Пуэнте, М. Де Эскобар – авторов, собиравших информацию о Мичоакане и писавших свои работы в к. XVI – перв. пол. XVIII в.

Уроженец Саламанки Д. де Басаленке (1577–1651) со временем стал миссионером. В своей работе «История деятельности ордена св. Августина провинции Сан Николас де Толентино Мичоакана» основное внимание он уделяет деятельности миссионеров этого ордена начиная с 1537 г. в районе города

⁴⁵ Espinosa I. F., 1940, p. 149–169.

⁴⁶ Rea A., 1940, p. 33–53.

Тирипетито (современ. г. Морелия). Вместе с тем по ходу изложения он даёт оценки культуре местных индейцев.⁴⁷

Х. де ла Пуэнте был родом из провинции Риоха (Испания), но с 20-х годов XVII в. связан церковной деятельностью с г. Тирипетито. С 1623 г. Х. де ла Пуэнте начал писать историю христианизации августинцами индейского населения.⁴⁸

Брат М. Эскобар (1690–1748) родился на Канарских островах, в Мексике стал миссионером-августинцем в приходах г. Тирипетито (по некоторым данным, с 1732 г.). Так же, как и предыдущие авторы, главное внимание он уделял описанию обстоятельств распространения христианства среди аборигенного населения.⁴⁹ М. Эскобар сообщал в своей хронике о лиенцо, созданном индейцами с использованием разноцветных перьев, которые прикрепляли на основу рисунка особым образом. Он якобы видел его в Сирандаро. Как утверждал М. Эскобар, это лиенцо они сделали по указанию брата Хуана Баутисты (Juan Bautista). Как уже указывалось выше, в XVIII в. в Мичоакане (и других штатах центра и юга Мексики) индейцы составляли различные пиктографические документы (они получили название *títulos primordiales*, «родословные», о них см. выше), в которых также отражена и история христианизации индейцев. Как видели выше, такие документы сохранились в архивах в виде рукописей, в которых отражены планы поселений, история их основания, заселения и т. п. Очевидно, именно это имел в виду и М. Эскобар.

Для изучения тарасканского доколониального общества представляет исключительный интерес упомянутая работа М. О. Ф. Гилберти (Жильберти) «Словарь языка тарасков Мичоакана». М. О. Ф. Гилберти (1498–1585) родился в г. Тулуза, древней столице средневековой Аквитании, в местности, ныне соответствующей французскому департаменту Горона. После обучения в местном университете он прибыл в Новую Испанию. Спустя некоторое время М. О. Ф. Гилберти стал священником в Мичоакане, каковым и оставался до конца своих дней.

⁴⁷ Basalenque D., 1940, p. 57–79.

⁴⁸ Puente J. G., 1940, p. 83–99.

⁴⁹ Mathías de Escobar; Escobar M., 1940, p. 107–137.

Умер он в Тцинтцунтцане, древней столице тарасков, в октябре 1585 г. Работа М. Гильберти «Словарь языка тарасков Мичоакана» имеет огромное значение, так как лингвистические данные всегда дают богатейшую информацию относительно глубинных процессов, претерпеваемых и народом, и обществом.⁵⁰

Э. Кортес (1485–1547), фактический первооткрыватель и завоеватель древнеацтекского государства, оставил после себя письма (отчёты, адресованные испанскому королю Карлу V), в которых наряду с описанием ацтекского общества, основных черт его материальной культуры, быта, традиций, истории, делает ссылки и на тарасков (см. третье и четвёртое письма).⁵¹ Кстати, на основе этих же писем можно выявить и его оценку аборигенных культур Мексики. Если благодаря Х. Колумбу сформировался образ смелого, сильного, справедливого, но, увы, отсталого по сравнению с европейцами индейца-дикаря, то Э. Кортес вывел несколько иной обобщённый индейский тип, сначала импонировавший Европе – тип «умного индейца», создавшего собственные изысканные искусства и ремёсла, но отягощённого греховным идолопоклонничеством.

Следует также назвать имя Н. Б. де Гусмана, одного из завоевателей региона, основателя нескольких городов и поселений. Находясь на территории, соответствующей современному штату Халиско, в Текпик, он информировал императора Карла V о том, что случилось во время его походов. Речь идёт о документе, известном под названием «Свидетельства Нуньо Бельтран де Гусмана и его товарищей (1530–1532)».⁵²

Названные выше работы представляют собой своего рода документы первого круга важности (хотя, как видели, и они неравноценны). Кроме них есть сочинения, принадлежащие авторам, не обязательно непосредственно связанным своей личной судьбой с Мичоаканом: они бывали или жили в других районах Мексики, однако, так или иначе, затрагивали интересующие нас вопросы. Значительная их часть составила своеобразное умеренное крыло. Это в большинстве своём миссионеры,

⁵⁰ Gilberti M. O. F., 1975; Bravo Ugarte J., 1975, nota preliminary.

⁵¹ Cortés H., 1963; Perez de los Reyes M. A. // PDF/AdobeAcrobate, p. 74–75.

⁵² Perez de los Reyes M. A. // PDF/AdobeAcrobate, p. 72.

для которых характерен своего рода диалектический подход при оценке доколониального прошлого аборигенов Центральной Америки: религия индейцев была для них безоговорочно «царством сатаны», однако достижения этих народов в общественной и материальной жизни, культуре вызывали у них уважение и даже в некоторых моментах восхищение. Этих авторов в целом характеризует неприятие открытого, грубого насилия, какое сопровождало колонизацию, неприятие энкомьенды в её наиболее жестоких формах. Они также старались противостоять ужасам завоевательных войн и репрессий, которые обрушились на индейцев с приходом испанцев. К числу таких авторов должны быть отнесены Б. Саагун, Т. Мотолиния, Д. Дуран, Х. Мендиета (XVI – нач. XVII в.).

Монах-франсисканец Б. де Саагун (1499–1590) – один из многих, прибывших в покорённую Мексику для насаждения христианской веры среди местного населения. Наряду с миссионерской деятельностью, которую Б. Саагун осуществлял с момента прибытия в эту страну в 1529 г., он занимался сбором сведений, касавшихся различных сторон жизни, образа духовности ацтеков, крупнейшего народа доколумбовой Мексики, ближайшего соседа и соперника тарасков. На протяжении 1547–1552 гг. он специально для этой цели приглашал знающих старину пожилых индейцев (т. е. живших ещё до прихода испанцев, в лучшую пору ацтекской истории). В организованном им центре в Тлателолько (район г. Мехико), так называемой «школе Саагуна», он опрашивал их по особой схеме и на основе специально подготовленных вопросов. Из-за отсутствия развитой системы письма его информаторы-индейцы отвечали изустно на своём родном языке (науатль). Ответы при этом воспроизводились латиницей (с одновременным переводом на испанский и частично латинский языки). Эти ответы сопровождались нарисованными самими индейцами рисунками-иллюстрациями. Являясь церковником, Б. Саагун безоговорочно не принимал архаическую жестокость их языческой религии, однако будучи человеком образованным он, любя и оценив ацтекскую культуру, считал её разрушение злом. Слишком активная собирательская деятельность Б. Саагуна

была запрещена специальным указом по настоянию церковных властей, увидевших в ней опасность возрождения среди индейцев интереса к язычеству и прежним верованиям. Тем не менее благодаря собранному материалу к 1575 г. Б. Саагун написал свою знаменитую «Всеобщую историю дел в Новой Испании». Впервые она была опубликована лишь в начале XIX в. В современных изданиях к ней приложены индейские рисунки, сделанные около 1564–1565 гг. Собранные Б. Саагуном материалы и их копии сохранились в архивах рукописей Мадрида и Флоренции.⁵³ Информация, содержащаяся в огромном труде Б. Саагуна, труде необычайно добросовестном и удивительно объективном для своего времени, является своеобразной энциклопедией ацтекской истории и культуры, документом первостепенной важности среди всех ему подобных. На данные Б. Саагуна, хранившиеся в архивах, опирались историки и исследователи последующих периодов. В десятой книге этого фундаментального труда имеется интересная информация и о тарасках, которая ниже будет нами использоваться.

Метод сбора информации, использованный Б. Саагуном, до него применил другой миссионер, Т. Мотолиния (?–1569). Он, как и Б. Саагун, принадлежал к первым монахам францисканского ордена, оказавшимся в Мексике. Он прибыл туда в 1524 г., спустя всего несколько лет после начала испанского завоевания. Хорошо овладев языком науатль (ацтеков), Т. Мотолиния стал учителем в г. Тлашкале. Он бывал в различных районах Мексики и детально познакомился со страной. О его прекрасном знании обычаев и традиций мексиканских народов, их культуры и истории свидетельствуют два сочинения, сохранившихся, правда, в рабочем варианте: «Мемориалы» (в смысле докладные записки, донесения, записи на память) и «История индейцев Новой Испании».⁵⁴ Работы Т. Мотолинии, несмотря на некоторую фрагментарность, имеют принципиальное значение для изучения центральноамериканских цивилизаций. По важности они, пожалуй, стоят сразу после рабо-

⁵³ Sahagún B., 1956, v. 3, libro 10, cap. 29; Florentine Codex, v. 1–8, 1950–1954.

⁵⁴ Motolinía T. B., 1970.

ты Б. Саагуна. Как и исследования иных авторов этого круга, настроенных про-индейски или, по крайней мере, не занявших открыто сторону колонизаторов, они увидели свет лишь в XIX в. Однако данными Т. Мотолинии, хранившимися в архивах, пользовались другие авторы. Конечно, как европеец-христианин Т. Мотолиния разделял взгляды и оценки Б. Саагуна, а как миссионер считал возможным плодотворное слияние народов, индейцев и европейцев, на основе общей христианской веры. Рассматривая доколониальный период истории мексиканских народов, Т. Мотолиния делает ссылки и на тарасков.

Заметное место среди источников по истории ацтекского общества, а особенно при описании его военной истории и тарасков как их соперников, принадлежит работам монаха-доминиканца Д. Дурана (1537?–1588). В них в той или иной форме отражено восприятие последнего человеком XVI в., воспитанном на европейских стандартах мировосприятия. Родившись в Севилье, он с детства жил в Мексике (в г. Тескоко) и поэтому прекрасно знал страну. К 1581 г. Д. Дуран закончил большой труд, посвящённый ацтекской истории и религии.⁵⁵ Д. Дуран, как и Б. Саагун, осуждал отталкивающие стороны жизни центральноамериканских обществ (особенно кровавые жертвоприношения). Вместе с тем он считал, что у последних были и свои достижения, например в области организации некоторых сторон общественной жизни, материальной культуры и искусства. Д. Дуран крайне отрицательно относился к разрушению древних памятников, в частности доиспанских пиктографических рукописей, которые он знал и также использовал в своей работе. В свете всего сказанного понятно, почему сочинение разделило судьбу работ Б. Саагуна и Т. Мотолинии, поскольку впервые было опубликовано только во второй половине XIX в. Освещая доколониальное прошлое Мексики, он неоднократно обращался к истории непростых взаимоотношений ацтеков и тарасков, что позволяет современному историку почерпнуть и из его труда дополнительную информацию об этом народе.

⁵⁵ Duran D., 1964; Durán D., 1967, v. 1–2.

Типичным представителем своего рода колонизаторской партии как в самой Испании, так и в Новом Свете был Ф. Л. Гомара (1510? – ок. 1560), капеллан, духовник и личный секретарь Э. Кортеса (в период 1541–1547 гг.). К 1552 г. он написал «Историю завоевания Мексики», которая от начала до конца является прославлением человека, сумевшего с небольшой горсткой людей завоевать огромное государство ацтеков.⁵⁶ Ф. Л. Гомара придерживается тезиса Сепульведы о превосходстве европейцев над индейцами. Он считал, что хотя у всех людей одинаково наличие души и тела, однако одних (европейцев) Бог сделал «прекрасными», а других (индейцев) «ужасными». Работа написана на основе свидетельств конкистадоров, а также данных, почерпнутых из трудов миссионеров, в частности Т. Мотолинии. Как справедливо отмечал один из исследователей, в то время как Т. Мотолиния старался выделить добродетели индейцев, Ф. Л. Гомара – их недостатки. Но именно работа Ф. Л. Гомары в последнем десятилетии XVI в. стала наиболее известной среди аналогичных ей.

В группу наиболее важных авторов XVI в., оставивших свою информацию относительно тарасков, а также событий, развернувшихся в Мексике сразу после её покорения, входит и монах Х. Мендиета (1525–1604). Живя в Мексике с 1554 г. (в монастыре г. Шочимилько), он освоил язык аборигенов и, следовательно, со знанием дела мог изучать и их культуру. В 1573 г. он начал писать свою известную «Церковную индейскую историю» (или «Историю проповедей среди индейцев»), которую закончил около 1596 г. будучи настоятелем монастыря.⁵⁷ Хотя в ней Х. Мендиета использует данные и свидетельства, почерпнутые из работ более ранних исследователей, это не снижает важность работы, ибо она содержит собственные наблюдения и выводы очевидца, в том числе и в части оценки культуры тарасков.

Более чем сто лет, прошедших со времени открытия Нового Света, с началом нового XVII в. не могли не отразиться на изменении подходов к анализу индейских обществ. Если коротко

⁵⁶ См. особенно Gómara F. L., 1943, v. 2.

⁵⁷ Mendieta G., 1943, v. 2; см. также примечание 5.

охарактеризовать эти изменения, то они состояли в том, что наряду с инерцией по преимуществу негативной оценки культуры и быта туземцев, столь хорошо известной по предыдущему периоду, появились и первые свидетельства признания индейских культур. Примечательно, что происходило это осознанно и трезво, с опорой на науку того времени, а не только эмоции, как это бывало ранее в подавляющем большинстве случаев.

Видным историком XVII в., внёсшим вклад в изучение индейских народов доколумбовой Мексики, был Х. де Торкемада (ок. 1577–1625). Он родился в Испании, но основную часть жизни провёл в Мексике как монах-миссионер франсисканского ордена. В 1603 г. Х. Торкемада оказался в монастыре Сантьяго де Тлателолько (г. Мехико). От своих учителей Б. Саагуна и Х. Б. Помары он перенял глубокий интерес к мексиканским древностям. Зная это, вышестоящие церковные власти поручили ему написать историю, которая должна была бы подвести итог первому столетию благословенной, как они считали, миссионерской деятельности франсисканцев в Новой Испании. К 1613 г. Х. Торкемада написал «Индейскую монархию...», которая содержит полезную для нас информацию о тарасках.⁵⁸

Особое место среди раннеколониальных хронистов занимают авторы индейского происхождения или метисы. В большинстве своём воспитанные уже на традициях европейской науки, они вместе с тем не порвали полностью с доиспанским прошлым своих предков. Находясь как бы на границе двух культур, они писали и думали на уровне такого пограничья. Разные конкретные побудительные причины были при этом стимулами их деятельности: писали из чувства местного патриотизма, желая сохранить память о своих предках и даже просто обосновать притязания на землю и титулы. Сообразуясь с представлениями того времени, они нередко идеализировали представителей своего народа. Так, пытались доказать, что мексиканские народы жили ожиданием христианства, что оно якобы «вitalo» в воздухе и приход испанцев лишь ускорил принятие его. Когда же дело доходило до объяснения одного

⁵⁸ Torquemada J., 1970; см. также примечание 6.

из наиболее щепетильных вопросов – существование практики человеческих жертвоприношений, то они старались вину за неё возложить на какой-нибудь иной народ или этническую группу, но только не на собственный. Среди авторов такого круга можно выделить Ф. А. Тесосомока и Д. Мунос-Камарго, которые, отражая в своих сочинениях, главным образом, доколониальное прошлое ацтеков, касались и вопросов взаимоотношений их с тарасками. Работы этих авторов любопытны и в том отношении, что отражают одни и те же события с прямо противоположных позиций.

Ф. А. Тесосомок (ок. 1520–1600) был чистокровным индейцем, сыном Д. А. Уанитцина, третьего правителя г. Теночтитлана (Мехико) с момента прихода испанцев и Ф. де Мотекусомы, дочери Мотекусомы II Младшего, последнего из доиспанских правителей ацтеков, погибшего в ходе Конквисты. Ф. А. Тесосомок имел доступ к некоторым из сохранившихся пиктографических рукописей, а также располагал устной информацией, получаемой им от представителей своего древнего доиспанского правящего рода. Его знаменитую «Мексиканскую хронику» пронизывают часто взаимоисключающие по духу утверждения.⁵⁹ Как справедливо отмечал один из исследователей, Ф. А. Тесосомок открыто заявлял о своём отвращении к кровавым культам, однако, «гордость, переходящая в экзальтацию» чувствуется у него, когда он говорит о военных победах ацтеков, их неуклонно растущей военной и политической мощи. Писавший уже на закате XVI в., т. е. через полвека после прихода испанцев, Ф. А. Тесосомок, тем не менее, смог представить индейское общество со всеми его как привлекательными, так и отрицательными сторонами. Несколько веков спустя это отмечалось исследователями. Они указывали на его «типично индейскую позицию», а работу в целом сравнивали с большой сагой или эпической поэмой. Данная позиция индейского автора отразилась и в его оценках взаимоотношений между тарасками и ацтеками как остро враждебных, в которой позитивной стороной представлены ацтеки.

⁵⁹ Tezozómos F. A., 1943.

Д. Муньос-Камарго (ок. 1526 г. – ок. 1600 г.), – сын конкистадора и индейки (родом из г. Тлашкалы). Он служил переводчиком во время завоевания и колонизации центральной и северной части Мексики. По натуре Д. Муньос-Камарго был человеком весьма инициативным, возглавлял г. Тлашкалу. Он является одним из наиболее враждебно настроенных в отношении ацтеков авторов. Это понятно, ибо Д. Муньос-Камарго описал историю города-государства, постоянного соперника ацтеков, так и не покорившегося им и ставшего в период Конкисты союзником испанцев. Основой для «Истории Тлашкалы» послужила работа его современника Ф. Л. Гомары, некоторые рукописи Б. Саагуна, Т. Мотолинии, Х. Мендиеты, а также сведения, собранные им самим. «История Тлашкалы», которую он писал в период 1576–1585 гг., была опубликована лишь в 1870 г. и разделила, таким образом, судьбу многих аналогичных сочинений.⁶⁰ Отношение Д. Муньос-Камарго к индейскому прошлому двойственное: с одной стороны, он клеймит кровавый культ, причём приписывая его изобретение, конечно же, ацтекам, с другой – в целом ряде случаев индейская кровь матери даёт о себе знать, и он с восхищением говорит о тлашкальцах, сумевших выдержать натиск грозного противника в лице владык г. Теночтитлана (Мехико). Для нас его информация интересна как исходящая из противоположного ацтекам лагеря. Совершенно очевидно, что такой взгляд со стороны важен для объективного анализа проблем взаимоотношений ацтеков и тарасков, хотя собственно о Мичоакане данных не так много.

Названные выше источники и авторы хотя и не равнозначны по ценности и объёму предлагаемой ими информации, касающейся тарасков, разнятся по идеологическим и политическим симпатиям и предпочтениям, тем не менее в них сформулированы и первые попытки объяснения особенностей этого индейского общества и культуры. Так, практически во всех сочинениях этого периода отражена одна общая идея, согласно которой народы Мексики, включая тарасков, переживали

⁶⁰ Muñoz Camargo D., 1948; Perez de los Reyes M. A. // PDF/Adobe Acrobat, p. 72.

в своём развитии определённые исторические периоды, вступающая друг с другом в прямые и опосредованные связи. В результате таких межэтнических контактов и сложилось то, что называется тарасканским обществом.

Вопросов социального устройства и механизмов регулирования тарасканского общества касался и А. Сорита (1512–1588), испанский юрист, чиновник на королевской службе, в своём «Кратком и обобщённом сообщении о сеньорах Новой Испании». Десятилетнее пребывание в Мексике в качестве юриста сделало А. Сориту хорошим знатоком доиспанской социальной структуры Мексики, и к его работе исследователи обращаются постоянно. Его «Краткое и обобщённое сообщение о сеньорах Новой Испании» написано около 1556 г., когда перед испанцами стала серьёзная проблема удержать индейцев в поместьях и заставить их работать на хозяев.⁶¹ В качестве юриста А. Сорита принимал участие в разборе судебных дел, касающихся, в том числе, и землевладений. Длительная судебная практика (он находился в Мексике 10 лет, в течение 1554–1564 гг.) сделала его хорошим знатоком доиспанской социальной структуры, системы управления. Работа А. Сориты, в которой переплелись социально-экономические проблемы раннеколониального периода и доиспанские традиции, является важнейшим источником для анализа соответствующих вопросов.

Официальную историографию XVI–XVII вв. представлял историк короля Филиппа II А. Эррера-и-Тордесильяс (1549–1625). А. Эррера никогда не бывал в Новой Испании и составлял свой труд «Всеобщую историю...» на основе испанского архива, куда стекалась почти вся необходимая ему информация, причём в его распоряжении была целая группа помощников. При таком положении дел трудно ожидать от этого сочинения чего-то оригинального. Действительно, «Всеобщая история» содержит извлечения из работ Д. Муньос Камарго, А. Сориты, в неё переписаны целые главы из рукописи Ф. С. де Саласара (который сам многое списал у Ф. Л. Гомары)

⁶¹ Zorita A., 1942; Zorita A., 1965, см. особенно p. 422, 423.

и многих других авторов (при этом часто даже без указания источников). Эта работа создавалась с целью прославления испанцев, поэтому даже если А. Эррера сообщал, например, о мужестве и отчаянной отваге обречённых на поражение мексиканцев в их борьбе с испанцами, то это истолковывалось им как свидетельство смелости европейцев, но никак не индейцев. Хотя такую работу трудно считать оригинальной, однако благодаря исторической и этнографической информации, сконцентрированной в ней, она может служить своего рода энциклопедией древностей доиспанской Мексики, известных на то время.⁶²

В течение долгого времени колониальная система и культурное доминирование европейцев привели к тому, что зачёркивались все достижения доиспанского прошлого. В период между 1492–1521 гг. началось забвение не только материальной культуры индейского мира, но также его духовной культуры, представлений о человеке, обществе, мире в целом. Издание работ первых раннеколониальных авторов (например, Т. Мотoliniи, Б. Саагуна и др.) всячески тормозилось, запрещалось испанской короной. В 1577 г. Филипп II, осведомлённый о значительном по размерам собрании документов и индейских памятников, собранных Б. Саагуном, распорядился реквизировать собранные документы. Вместе с тем он также приказал, чтобы с «большей бережностью и прилежанием охранять эти книги, перевести некоторые, переслать их с надёжной охраной с первой оказией нашему Совету Индий для того, чтобы их увидеть».⁶³

В итоге всего описанного выше были созданы условия для того, чтобы будущие поколения исследователей смогли внести свой вклад в изучение одной из своеобразных культур древней Мексики.

⁶² Herrera A., 1945, v. 1–4.

⁶³ Uribe Salas J. A., 1996, p. 298.

1.2. История исследования общества и культуры тарасков

Когда после открытия Америки в 1492 г. стало очевидным существование ранее неизвестных народов и культур, то вполне естественно, что Старый Свет увидел их глазами первых очевидцев – испанских конкистадоров и миссионеров. Они в свою очередь первоначально восприняли эти народы в соответствии с религиозными и идеологическими стереотипами и образами европейского средневекового сознания, не лишённого, однако, некоторых противоречий. Так, с одной стороны, в соответствии с учением церкви европейцы признавали, что все люди равны перед Богом, а значит, индейцы тоже происходят «от Адама и Евы», но, с другой, использовали по отношению к ним неопределённое слово «варвары». Некоторые из конкистадоров и миссионеров были знакомы с понятием первобытного «золотого века», восходящего ещё к классической древности, поэтому из первых свидетельств, поставляемых ими, возникал образ благородного дикаря. Упомянувшийся неоднократно В. де Кирога предполагал даже создать в Мексике что-то вроде общества будущего (или по-другому, библейского рая).⁶⁴ Здесь же следует упомянуть и идею о том, что индейцы – потомки так называемого «исчезнувшего племени израилева».⁶⁵

Являясь христианами, европейцы сравнивали аборигенов Америки и с мусульманами (желая тем самым подчеркнуть определённые культурные достижения завоёванных ими народов). И всё же наиболее типичными и обычными были попытки сравнить ошеломившие их культуры с хорошо знакомым и привычным европейским миром, поэтому в первых свидетельствах, дошедших до нас, в той или иной степени прослеживается сопоставление вождей и правителей этих народов с императорами и королями, жрецов – с христианскими священниками и т. п. Позиции европейцев проявлялись также и в про- или антииндейских взглядах, дополняемых иногда

⁶⁴ Kolb Ch. C., 2000, p. 1–6; см. специальное исследование об этом: Cázares A. C., 2001.

⁶⁵ Malmstrom V. N., 1985, p. 1.

попытками объективного анализа доколониального прошлого американских и, в частности, центральноамериканских мексиканских народов.

Первые оценки индейской истории и культуры отражены в работах, сочинениях XV–XVII веков, которые были рассмотрены выше. Одна из бесспорных заслуг авторов данного этапа – показ в динамике развития народов доколониальной Мексики, и тарасков в том числе. Этой идеей они фактически перечёркивали (иногда даже вопреки своим первоначальным намерениям) тезис о неспособности аборигенов к общественному, культурному и интеллектуальному прогрессу. В этих работах, кроме того что они являются источниками, их авторами заложены и некоторые направления будущих исследований. Так, в них, кроме уже указанных выше, в той или иной форме даётся, например, анализ тарасканской топонимики, не утративший своей ценности в наши дни и весьма полезный при рассмотрении вопросов этимологии и собственно этнотопонимики.

Тем не менее хроники и сочинения XVI–XVII вв. являлись только подготовкой к будущим изысканиям, поскольку основное научное исследование культуры тарасков, их этнической, социальной и духовной истории было ещё впереди.

Уже с конца XVII в. и особенно в XVIII в. в науке о культурах доколониальной Мексики стали заявлять о себе креолы. Своей родиной они считали уже не Испанию (хотя они и были испанцами по крови), а Новую Испанию, прежде всего Мексику. Для креолов понять прошлое региона означало определить свою идентичность, что было очень важным элементом в предстоящей борьбе за независимость. Они стали идентифицировать себя не только с испанской европейской культурой, но и местной индейской культурой.⁶⁶

Одним из самых знаменитых колониальных авторов XVIII в., затронувшим рассматриваемые нами проблемы, являлся Ф. Х. Клавихеро (1731–1787) – мексиканец по происхождению (креол), иезуит. Когда в 1767 г. иезуиты были изгнаны из Мексики, он оказался в Испании. С тех пор и до своей смерти

⁶⁶ Roscamp H., 1998, p. 40.

Ф. Х. Клавихеро вплотную занимался древней историей Мексики. Он был человеком прекрасно образованным и, что немаловажно, знал индейские языки. В своей самой знаменитой работе «История древней Мексики» Ф. Х. Клавихеро использовал многие индейские пиктографические рукописи и раннеколониальные источники, а также сочинения, вышедшие к этому времени.⁶⁷ В ней он подробно, с опорой на конкретные данные анализировал различные стороны духовной и материальной культуры народов доколониальной Мексики. В целом их история приобретала под пером Ф. Х. Клавихеро достойный и даже героический вид, при этом, правда, он не избежал и некоторой её идеализации. Как бы то ни было, Ф. Х. Клавихеро считается фактически первым историком, который в XVIII в. написал по-настоящему научный труд по истории и культуре Мексики, опирающийся на весь предыдущий опыт американистики. История Мичоакана не занимала центрального места в этом труде, однако, рассматривая поздний доколониальный период, он неизбежно касался и роли тарасков. Так, Ф. Х. Клавихеро делает акцент на проблеме взаимоотношений тарасков и ацтеков в момент, когда пришли испанцы (подробнее см. гл. 2 настоящей работы).

В этот период заметной фигурой был креол Х. Х. Пастор Моралес (1770–1838). Сын богатого финансиста, он получил европейское образование. Заразившись идеями французской революции, свободы, он, вернувшись в Мексику, стал одним из выразителей идеи её независимости. Впрочем, сам в вооружённой борьбе не участвовал. Правда, Х. Х. Пастор Моралес одно время был назначен советником правительства свободного штата Мехико (1829–1830).

Х. Х. Пастор Моралес был крупным землевладельцем в Мичоакане. Среди принадлежащего ему была и асьенда Бельяс Фуэнтес (*Bellas Fuentes*) в районе г. Сакапу на севере штата.⁶⁸ Жизнь свела его с Б. М. де Мохо (*don Benito Mariade Moxó y de Francoli*), монахом-бенедиктинцем. Б. М. де Мохо занимал важный рели-

⁶⁷ Clavijero F. J., 1974.

⁶⁸ Roscamp H., 1998, p. 40.